

Низами

10.10.91

К 850-летию Низами

Искусство преемственности

Выставка - Экспозиция
1991 - 100 лет - 8.6

... Низами в творчестве народного художника СССР, действительного члена Академии художеств СССР профессора Михаила Абдуллаева всегда представлял как явление, динамично развивающееся, пронизанное на века, живое. Не приемлет художник тех лубочных иконописей школьного, слепого приобретения, что ваяли из поэта некоторые, впрочем, достаточно мастеровые его коллеги. Ведь каждый титан для истинного художника прежде всего бесценный клад, истинно ценное, своего. Одушевленное святилище неизбежных противопо-

ложных начал белого и черного, что развиваются и вытекают по мере возмужания личности, внутреннего противоборства и неустанной созидательной работы над собой. Отнюдь не чужды таких объяснимых человеческих слабостей, лишь уникальным достойным примером победы над собой. Низами предстал перед ним творцом и человеком, достойным подлинного преклонения. Множество разносторонних — искренних, справедливых, глубоко философских изображений поэта — тому пример.

На графическом листе «Низами и Хагани» — два грандиозных мыслителя-поэта. Казалось бы, недостижимы и монолитны. Еще — непревзойдаемы в аскетичности норм, выдержанности речей и суждений. Но, как случается в обществе, самостоятельно, смело мыслящих людей, не сейчас, так через каких-нибудь несколько минут, разгорится самоотверженный, страстный спор о целях и бесценности неизбывных истин, радости познания бытия, мудрости неизбежного ухода. И тогда вся необъятная жизнь этих скептических мудрецов покажется слишком ничтожной, чтобы разрешить лишь малую толику этих взвешенных вопросов.

И спасительным отступлением в минувшее предстает акварель «Мехсети и юный Низами», изображающая поэта в пору становления взглядов и позиций. Будущий философ старательно вникает и жадно впитывает чужую, приобретенную опытом мудрость. На рисунке «Зекки Муайяддин — дед поэта» перед нами предстает старец, чей лик изоборожен морщинами суровой правды жизни. Он словно олицетворение, гармоничное порождение и ответвление корневика старого могучего древа жизни. Вместе с тем, — человек, полный оптимизма и вечных светлых надежд. Свое праведное всепримение жизни он передаст и внуку.

На картине «Родители поэта» — идиллическая безмятежность вечною сюжетом: он, она, дитя — нежный росток будущих свершений и надежд; маленький Низами с родителями. Надежные стражи детства — отец и мать — рядом, и, возможно, сумеют уберечь его от ошибок и невзгод. Когда-нибудь взрослый поэт ответно оградит собственную семью от житейских бурь. Это и будет благодарная светлая преемственность веч-

ной заботы предков. И словно пророческим взглядом в еще несвершившееся — другой сюжет. Любящая верная жена Низами — Афак с сыном Мухаммедом, резвящимся на ее коленях. Ну чем не безмятежное воплощение истинного нехитрого счастья любой женщины, как простой крестьянки, так и изысканно-вычурной, вздорной светской красавицы?..

На рисунке «Поэт не советует сыну Мухаммеду писать стихи» Низами словно предостерегает резвящихся плагиаторствующих потомков: если можешь не писать — не пиши. Поистине великая истина, так и не сумевшая до сих пор достучаться до многих.

Философским подтверждением прожитого является сцена беседы поэта со знатым соотечественником на миниатюре «Низами и эмир Гянджи. Тайна трех черепов». На извительный вопрос эмира, сможет ли провидец — поэт определить, кто из обладателей черепа был при жизни умным человеком, а кто — дураком, Низами проводит любопытный опыт. С легкостью проталкивает сухую былинку сквозь один из черепов: этот человек был пустым и легкомысленным, не имел собственных убеждений и легко разменивал чужие. В другом черепке былинка словно натолкнулась на что-то и не прошла насквозь. Этот — знал, куда идти, и для чего, много сделал ради претворения заветной мечты, но не был в состоянии убедить в собственной правоте окружающих. В третьем черепе былинка настолько основательно застряла внутри, что экспериментатор так и не сумел выволить ее обратно. «Последний случай являет собой самый замечательный образец» — резюмировал поэт свой опыт эмиру и всем грядущим поколениям. Этот человек имел неизбывные, неподда-

стные веяния времени и чуждых наставлений, убеждения и истины, во имя которых не зря прожил жизнь. Чему научил многих.

Долголетние поиски художника, как и многовековые находки поэта, увенчал знаменитый величественный портрет Низами, гостеприимно приветствующий всякого, ищущего свою, единственную непроторенную тропку в жизни. Вот он, долгожданный, великий в своей простоте мессия, ожививший внимательным взором необъятные целинные просторы родной стороны.

Портрет венчает собой удивительную панораму восемнадцати мозаичных панно-композиций, что на станции метро «Низами». Все они выполнены вдохновенно и убежденно, или еще — мастерством художника, достойным кисти поэта. Блестящим kaleidoscopом мыслей и чувств, единоборством торжества и отчаяния в ненавязчивом обрамлении колоритного орнамента — таким предстает посвященный состоявшийся творческий союз, — сквозь века, поколения, этапы постижения. А для непосвященных это просто красивая, одухотворенная опытом, интеллект и талантом живописца мозаичная роспись. Кто-то, уже многим позже, посетует на то, что несовместимы монументальное начало мозаичного полотна и лирический замысел воплощенного. Упрекнет художника в том, что терпится, блекнет в жалких низинах прикладного общественного транспорта грандиозная затея чудесной «музейной сказки». В подтверждение несправедливому, слепо ныряло человечество в темные лабиринты и коридоры метро, спеша на работу, домой и по прочим своим пустячным делам, не особенно засматриваясь на мерцающие скромным бессмертием стены и арки. А ведь они поистине прекрасны! Внимательные пасса-

жиры так и прозвали «его» станцию «подземным дворцом». А сам художник все чаще замечал возле украшенных стен сторонних, простых любителей: интересуются, щелкают фотоаппаратами, на память запечатлевают полюбившиеся композиции. Почему бы не заинтересоваться всерьез необычным оформлением станции профессионалами от искусства, не издать соответствующие альбомы и открытки, не организовать специальные экскурсии для иностранных туристов, да и просто своих соотечественников? Ведь истинная память и доброе отношение — не в митинговых амбициях, а именно в этом — повседневном, незабвенном, кропотливом. По сегодняшним крупницам — в грядущее опромное целое.

А ведь скоро волшебная красочная композиционная

мозаика подземного помещения отметит свое одиннадцатилетие.

Пожалуй, самой любимой и уж во всяком случае запомнившейся работой для самого художника явилось панно «Фархад и Ширин», изображающее легендарного богатыря, спускающего на своих плечах с гор грациозную Ширин верхом на утомленном коне. Фархаду, конечно, нелегко, но на то он и богатырь, герой сказки, что не поддается усталости. Художнику кажется (или очень хочется?), чтобы не только Ширин оценила доблесть силача, но и верный сказочный конь. Так и есть: на панно он, взгромоздившись на плечи хозяина, благодарно лижет ему руку. В «Хамсе» этого нет. Но художнику всегда казалось, что за подобное творческое «свято-татство» великий Низами не

стал бы его особенно порицать, а, наоборот, был бы с художником солидарен. Ведь в жизни, так же как и в творчестве, поэт был исключительно гуманен, добр и наравне с богатейшей фантазией обладал развитым, тонким чувством юмора. Вот так и кажется: поднял бы силач Фархад сегодня, как перышко, всю нашу многострадальную беззащитную страну и перенес ее, бережно и прочно, из испепеляющего бушующего множества бесталанных надсмотрщиков в прекрасный тенистый Эдем покоя, любви и изобилия. И все мы были бы ему за то, конечно, несказанно благодарны...

Дж. ИБРАГИМОВА.

На снимках: мозаичные панно «Хамсе» на станции метро «Низами».

Фото А. ЧЕРКАСОВА.

